

А. Я. МАНУСЕВИЧ

У ИСТОКОВ «САНАЦИИ»

14 мая 1926 г. московские газеты опубликовали ряд телеграмм о произошедшем в Польше 12 мая государственном перевороте. В результате переворота власть в стране была захвачена маршалом Ю. Пилсудским. Президент Польской республики С. Войцеховский и правительство во главе с премьером В. Витосом оказались вынужденными выйти в отставку. Организаторы переворота требовали «санации», оздоровления государства. Поэтому установившийся в Польше в 1926 г. политический строй и получил название «санации».

События в Польше тотчас же стали предметом рассмотрения на заседании Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Исполком Коминтерна пришел к выводу, что в Польше имел место фашистский переворот¹. Международное рабочее движение в третий раз за сравнительно короткий срок оказалось перед лицом событий, имевших явное сходство, — установлению режима «санации» предшествовали захват фашистами власти в Италии в октябре 1922 г. и военно-фашистский переворот в Болгарии в июне 1923 г. Все три политические системы не были абсолютно одинаковы. Каждой из них были свойственны свои методы управления. То, что во внутренней политике им был присущ ярый антикоммунизм, политический террор и попрание демократических прав и свобод, а во внешней — антисоветизм, не выделяло их из ряда других реакционных режимов². Но у этих режимов было и нечто общее, характерное именно для них. Пожалуй, в первую очередь их отличало от других реакционных режимов то, что они возникли в странах, в которых наблюдался открытый революционный шторм капитализма, и что своей первейшей целью эти режимы имели пресечение потенциально складывавшейся революционной обстановки с помощью превентивной контрреволюции. Одной из важных особенностей этих превентивных контрреволюций (за исключением Болгарии) было то, что в них удалось вовлечь часть сил, стремившихся в сущности не к защите, а к ниспровержению капитализма.

Именно к такого рода заключению пришел П. Тольятти в статье, опубликованной осенью 1926 г., т. е. вскоре после завершения целого этапа в развитии фашистской диктатуры в Италии и непосредственно вслед за установлением режима «санации» в Польше. Фашизм, писал Тольятти, — это реакционное движение особого типа. Его особенность не только в том, что он представлял собой «реакционное движение с массовой базой», но и в том, что в этом движении, направленном на упрочение капитализма, участвовали и социальные слои, которые «питали антикапиталистические тенденции», стремились «завоевать государство», «обновить аппарат и правящий персонал»³.

Отмечая эти признаки фашизма, Тольятти, конечно, еще не мог исходить из исчерпывающего марксистско-ленинского определения фашизма, возникшего несколько

¹ См. «Фашистский переворот в Польше и Коммунистическая партия Польши». — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 8, стр. 3—8.

² См. Р. Палм Датт. Интернационал. М., 1966, стр. 199—201.

³ Эрколи [П. Тольятти]. Фашизм и стабилизация. — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 10—11, стр. 60—62.

лет спустя в условиях существования в Германии гитлеровской диктатуры, — фашизм у власти есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Тем не менее замечания Тольятти облегчают понимание происходивших событий. Они же позволяют понять точку зрения Исполкома Коминтерна, отнесшего еще в 1926 г. режимы, установившиеся в Италии, Болгарии, Польше, к однотипным явлениям.

Эта однотипность вовсе не означала полной тождественности всех фашистских режимов. Наоборот, им были свойственны различия во внутренней и внешней политике, а равно и взаимные противоречия, да и сами они не были чем-то застывшим и постоянным. «Развитие фашизма и сама фашистская диктатура, — отмечал Г. Димитров в докладе на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, — принимает в разных странах *различные формы* в зависимости от исторических, социальных и экономических условий, от национальных особенностей и международного положения данной страны» ⁴.

Самым типичным проявлением фашизма оказался нацизм. Гитлеровская Германия в короткий срок стала не только доминирующей фашистской державой, но и превратилась в величайшую угрозу для всей человеческой цивилизации.

После разгрома во второй мировой войне гитлеровской Германии, ее союзников и сателлитов, в который решающий вклад внес Советский Союз, проблема фашизма как исторического явления, как самого отвратительного порождения кризиса буржуазного строя заняла одно из центральных мест в исторической науке. Происхождению фашизма, его социальной сущности, ответственности отдельных классов и социальных групп, способствовавших развитию фашизма, особенностям различных фашистских режимов посвящена обширнейшая литература. В большинстве общих трудов буржуазных авторов о фашизме предмет исследования, как правило, сужается до рассмотрения двух «образцов» фашизма — итальянского и германского, а если речь заходит о Польше, то о ней говорится лишь как о стране, наиболее пострадавшей от злодеяний нацистских захватчиков, т. е. как об объекте преступлений германского фашизма. Тем самым как бы исключается сама возможность того, что и в Польше могла существовать одна из разновидностей фашистского режима. Западногерманский историк Э. Нольте пишет, например, что хотя в отличие от муссолиниевского «похода на Рим», поход Пилсудского на Варшаву в мае 1926 г. сопровождался крупным кровопролитием, этот поход привел всего лишь к установлению военной диктатуры, которая только при эпизодах маршала приобрела некоторое подобие фашистского государства ⁵. Правда, в других работах Нольте говорится о стремлении Пилсудского «сколотить фашистский однопартийный режим», о том, что режиму Пилсудского была свойственна тенденция перехода «от политического тоталитаризма типа фалангистской Испании к всеобъемлющему тоталитаризму Муссолини и Гитлера» ⁶.

Весной 1968 г. варшавский журнал «Miesięcznik literacki» провел дискуссию о значении межвоенного периода в истории Польши. Многие ее участники обходили молчанием то обстоятельство, что межвоенная Польша была реакционным государством, искусственно смещенным на восток и силой оружия распространившим свое господство на часть украинских, белорусских и литовских земель, что оно раздиралось острыми социальными и национальными противоречиями. Они вместе с тем приписывали буржуазно-помещичьим правителям межвоенной Польши успешное решение целого комплекса прогрессивных общенациональных задач. Эти взгляды вызвали столь резкие возражения польской общественности, что тому же «Miesięcznik literacki» пришлось опубликовать статью Я. Ладоша и М. Ожеховского, доказывающих ошибочность позиции ряда участников дискуссии ⁷. Эта статья была подробно изложена

⁴ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 377.

⁵ E. Nolte. Der Faschismus. Von Mussolini zu Hitler. München, 1968, S. 245—246.

⁶ E. Nolte. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1969, S. 279; е г о ж е. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963, S. 49.

⁷ «II Rzeczpospolita (Diskusja historyczna)». — «Miesięcznik literacki», 1968, № 6 (22), s. 76—95; J. Ł a d o s z, M. O r z e c h o w s k i. Państwo—naród—klasa. — «Miesięcznik literacki», 1968, № 9 (25), s. 116—129.

в органе ЦК ПОРП газете «Trybuna ludu»⁸, и все же попытки обеления даже последних лет режима «санации», завершившихся ее крахом в сентябре 1939 г., продолжались⁹. Но эти субъективистские оценки внутренней и внешней политики «санации» были вновь резко осуждены партийной печатью¹⁰.

Вопрос о характере режима «санации» и поныне остается предметом споров в польской исторической науке¹¹. В работах ряда польских историков, социологов, юристов, даже допускающих существование фашиствующих движений в досентябрьской Польше¹², ареал стран с фашистскими режимами ограничивается только Италией и Германией. В Польше «санация», полагает Ю. Бардах, будучи антидемократическим режимом, представляла собой «нечто третье», отличающееся от фашизма и от бонапартизма¹³.

Наиболее обстоятельно этот тезис был развит в работах Ф. Рышки¹⁴. Он считает, что в межвоенной Европе существовали неидентичные с фашизмом авторитарные режимы. При этом проблема выяснения общей социальной сущности фашистских режимов отодвигается на задний план. Центром внимания становится выявление частного, специфики психологии политических деятелей, олицетворяющих интересующие его режимы. Рышка полагает, что для настоящего фашизма характерен полный тоталитаризм, который, по его мнению, типичен лишь для муссолиниевской Италии и гитлеровской Германии¹⁵.

Эта концепция ведет к обособлению режима «санации» или монархо-фашистской диктатуры в Болгарии от нацизма и итальянского фашизма. Она как бы исключает раскрытие классовой сущности социально-политических режимов, существовавших в Польше и ряде других стран. Если «воспользоваться еще более тонкими различиями и нюансами, — признает Я. Жарновский, стоящий в целом на той же позиции, что и Рышка, — то окажется, что, в конце концов, фашизма и вообще-то почти не было»¹⁶.

Конечно, фашистские режимы сложились далеко не по одной и той же модели. Степень тоталитаризации, роль террора, принцип «фюрерства», человеконенавистнический расизм играли в гитлеровской Германии значительно большую роль, чем в других фашистских странах¹⁷. Однако эти различия не меняют социальной природы фашистских диктатур. Если и верно, что все самое зоологическое в фашизме с наибольшей откровенностью и в ужасающих размерах проявилось лишь во время второй мировой войны, то это вовсе не значит, что «все те определения фашизма, которые давались до второй мировой войны, попросту неполны, поскольку в них не учтен опыт войны». В определениях фашизма, выдвигавшихся марксистской мыслью и до войны, фашизм всегда рассматривался не только как носитель террора, как власть, удушающая демократию, но и как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик

⁸ «Trybuna ludu», 29.XI.1968.

⁹ H. i T. Jędruszczyk. Ostatnie lata II Rzeczypospolitej (1935—1939). Warszawa, 1970.

¹⁰ «Trybuna ludu», 18.VII.1970; «Nowe drogi», 1970, № 8 (255), s. 121—126.

¹¹ «Z pola walki», 1972, № 3 (59), s. 323—324.

¹² A. Kamiński. Faszyzm. Warszawa, 1972, s. 42.

¹³ J. Bardach. Faszyzm, bonapartyzm lub coś trzeciego.—«Polityka», 1972, № 34 (807).

¹⁴ F. Ryśka. System «uporządkowanej władzy».—«Polityka», 1972, № 10 (773); его же. Źródła sukcesu i klęski. Warszawa, 1972, и др.

¹⁵ F. Ryśka. Autorytaryzm i faszyzm.—«Kwartalnik Historyczny», 1972, № 2, s. 322—344.

¹⁶ Я. Жарновский. Проблема авторитарных и диктаторских режимов в Центральной и Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами.—«Études Balkaniques» (Sofia), 1973, № 2, p. 97. Эта же статья под несколько измененным названием и с рядом купюр опубликована на языке оригинала.—J. Żarnowski. Reżimy autorytarne w Europie Środkowej i Południowo-Wschodniej w okresie międzywojennym — analogie i różnice.—«Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej. 1918—1939». Wrocław — Warszawa, 1973, s. 23—39. Из польского варианта статьи исключены строки, в которых дана не вызывающая споров оценка монархо-фашистского режима в Болгарии.

¹⁷ См. А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967; его же. Социология неофашизма. М., 1971; Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение Италии. М., 1968; Л. И. Гинцберг. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; Г. С. Филатов. Крах итальянского фашизма. М., 1973; Zb. Bardach. Před pochodem na Řím. Evropský nacionalismus a vznik italského fašismu. Praha, 1973, и др.

крестового похода против Советского Союза. Фашизм и война были неотъемлемы друг от друга с самого зарождения фашизма. Хотя масштабы злодеяний нацизма, совершенных в годы второй мировой войны, в том числе и на территории Польши, намного превосходили те опасения, какие до войны были даже у самых проникательных антифашистов, это не дает оснований считать фашизм периода второй мировой войны «милитаризмом и империализмом новой, неизвестной до тех пор формулы»¹⁸. Нет никаких оснований возводить барьер между фашизмом периода второй мировой войны и довоенными фашистскими режимами.

Кстати, попытки обособить реакционные авторитарные режимы от того, что принято считать «образцами» фашистского режима, в какой-то мере возрождают дискуссию на эту же тему, имевшую место во второй половине 20-х годов. И тогда высказывались взгляды о «санации» как разновидности бонапартизма, олицетворении бунта средних слоев против господства крупного капитала и помещиков, как о чем-то «третьем», не адекватном фашизму. И тогда подобные взгляды встретили весьма убедительную критику¹⁹.

Суммируя сложившиеся в результате длительных обсуждений марксистско-ленинские взгляды на режимы, существовавшие в ряде стран Европы, Димитров еще в 1935 г. говорил о господстве фашизма в Австрии, Германии, Италии, Венгрии, Польше, на Балканах, о «фашистском характере переворота Пилсудского», совершенного в мае 1926 г.²⁰. Что же лежало в основе этого определения? Ответу на поставленный вопрос может содействовать ознакомление с предпосылками и самим переворотом, происшедшим в Польше в мае 1926 г.

I

Лишенная исконно польских западных и северных земель, искусственно смещенная на восток, послеверсальская Польша сложилась как захватническое, антисоветское, многонациональное государство. Насильственное удержание в составе буржуазно-помещичьей Польши восточных «окраин», «кресов» — Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины — само по себе предопределяло установление в стране режима гнета и насилия. Видный польский историк и государственный деятель Г. Яблоньский пишет: «Справедливость тезиса о том, что не может быть действительно свободным народ, угнетающий другие народы, нашла яркое подтверждение на примере польского народа»²¹.

В отсталой, сельскохозяйственной по преимуществу стране, какой была межвоенная Польша, на 18 тыс. крупных землевладений, составлявших лишь 0,6% всего числа земельных собственников, приходилось 44% всей частнособственнической земли. Противоположной категорией земельных собственников являлись мельчайшие и мелкие крестьянские хозяйства размером до 5 га каждое. Они составляли 64% всего количества сельских хозяйств и все вместе располагали лишь 14% частнособственнической земли. Эта поляризация собственности усугублялась наличием в межвоенной Польше 3 млн. безземельных крестьянских хозяйств и огромного количества других обездоленных, которых относили — кто с презрением, кто с горечью — к категории «лишних людей»²².

Острота национального и аграрного вопросов находили одно из своих выражений в обилии региональных политических организаций и в сравнительно широком политическом движении польского крестьянства.

Рабочий класс составлял примерно 10% самостоятельного населения межвоенной Польши. В мелких предприятиях, насчитывавших до 15 рабочих каждое, было занято

¹⁸ Я. Ж а р н о в с к и й. Указ. соч., стр. 98.

¹⁹ H. L a u e r - B r a n d. Pisma i przemówienia. Warszawa, 1970.

²⁰ См. Г. Д и м и т р о в. Указ. соч., стр. 385, 388.

²¹ Г. Я б л о н ь с к и й. Великий Октябрь и независимость Польши. М., 1967, стр. 99.

²² См. «Польская деревня в цифрах». М., 1955, стр. 27—39; M. M i c z s c e n k o - w s k i. Struktura agrarna Polski międzywojennej. Warszawa, 1960, s. 18—19; A. A j n e n k i e l. Położenie prawne robotników rolnych w Polsce (1918—1939). Warszawa, 1962, s. 141—143.

в три раза больше рабочих, нежели в крупных и средних предприятиях²³. Национальная и религиозная неоднородность рабочего класса создавали почву для многочисленных националистических, конфессиональных, реформистских и других партий, течений и групп, подвизавшихся в рабочем движении Польши. Сплотить рабочий класс и все прогрессивные силы страны пыталась лишь нелегальная Коммунистическая рабочая партия Польши — КРПП (с 1925 г. Коммунистическая партия Польши — КПП).

Глубокие внутренние противоречия, свойственные буржуазно-помещичьей Польше, находились в прямой связи с той функцией «тарана против Советской республики»²⁴, которую старались навязать ей польские господствующие классы и западные империалисты. Но как раз при выполнении этой функции, прикрытой призывами к созданию «федерации» с Литвой, Белоруссией, Украиной, правители Польши потерпели столь существенную неудачу, что Учредительный сейм 17 марта 1921 г., т. е. буквально накануне подписания Рижского мира с Советскими республиками, оказался вынужденным пойти на принятие сравнительно либеральной конституции. Однако польские правящие круги практически игнорировали демократические принципы, провозглашенные в конституции, и даже выборы двух законодательных палат — сейма и сената — сумели затянуть до ноября 1922 г.

Предвыборная кампания разворачивалась в Польше в условиях острой политической борьбы. Правые партии — национальные демократы (эндеки), христианские демократы (хадеки) и некоторые другие — выступали в избирательном блоке «Христианско-национального единства» (Хъена, т. е. гиена, как его обычно называли в польской печати). Блок Хъены опирался на поддержку помещичьего Союза землевладельцев и на объединение крупнейших финансовых и промышленных кругов — Национальный союз польской промышленности, горного дела, торговли и финансов. Эту организацию крупного капитала орган реформистской Польской социалистической партии — газета «Robotnik» — назвала Левиафаном. Как не без удовлетворения писал председатель Левиафана, имя этого библейского чудовища, удачно использованное правосоциалистической газетой, стало общепринятым и в печати, и в деловой переписке наименованием главной организации польского капитала²⁵. Эндеция и ее союзники по Хъене проводили избирательную кампанию под клерикальными, шовинистическими, антисемитскими лозунгами. В буйствах итальянских фашистов и в «походе на Рим» они видели пример борьбы с социальным хаосом и защиты интересов нации. «Это Ренессанс, Возрождение. Счастливая Италия!» — захлебываясь от восторга, приветствовала эндеция приход Муссолини к власти²⁶.

Польские коммунисты сразу же обратили внимание на то, что итальянский фашизм нашел своих почитателей в Польше, что фашизм становится международным явлением. В статье, опубликованной в сентябре 1922 г. в «Nowy Przegląd» — теоретическом журнале КРПП, издававшемся вне страны, — один из руководителей КРПП Вера Костишева (Мария Кошутская) отмечала, что эндеки готовятся к приближающимся выборам в Польше под знаком «восхваления итальянского фашизма»²⁷. Учитывая реальный характер фашистской опасности и намечавшуюся общую стабилизацию капитализма, КРПП выдвинула перед рабочим классом новые задачи. Как писал выдающийся деятель польской социал-демократии и КРПП, один из первых пропагандистов марксизма в Польше А. Варский в октябрьском (1922 г.) номере того же «Nowy Przegląd», если в 1918—1919 гг. коммунисты концентрировали свои усилия на непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата, то в новых условиях на первый план выдвигалась борьба за демократию, за частичные требования²⁸. О фашистской опасности предупреждал и издававшийся КРПП в Варшаве двухнедельный легальный журнал «Kultura Robotnicza», официально считавшийся органом Союза культурно-

²³ A. Ajnenkiel, B. Leśnodorski, W. Rostocki. Historia ustroju Polski (1794—1939). Warszawa, 1969, s. 178.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 325.

²⁵ A. Wierzbicki. Wspomnienie i dokumenty (1877—1920). Warszawa, 1957, s. 491.

²⁶ «Gazeta Poranna», 1.XI.1922.

²⁷ M. Koszutska [W. Kosztrzewa]. Pisma i przemówienia, t. II. Warszawa, 1961, s. 104.

²⁸ A. Warski. Wybór pism i przemówień, t. II. Warszawa, 1958, s. 158.

просветительных организаций. В журнале указывалось, что фашизм означает качественное изменение в буржуазном строе, буржуазном правопорядке, буржуазной идеологии. «Это радикальная замена методов, это проявление глубокого перелома в настроениях буржуазии не только итальянской, но и международной»²⁹.

Ввиду опасности фашизма КРПП становилась на путь все более активных поисков сотрудничества с Польской социалистической партией (ППС). Но эта последняя, продолжая занимать воинствующую антикоммунистическую позицию, стремилась помешать деятельности Союза пролетариата города и деревни — полулегальной организации, созданной КРПП. Дезориентируя рабочий класс, ППС изображала фашизм как «правый большевизм», как систему, якобы родственную советской³⁰. Смысл этой клеветы ППС состоял в том, чтобы навязать рабочему классу по меньшей мере столь же враждебное отношение к коммунистам, как и к фашистам. Позиция ППС, углублявшая раскол рабочего класса, была выгодна лишь польской реакции.

На выборах в сейм и сенат, состоявшихся в ноябре 1922 г., правые партии сумели упрочить свои позиции. В выборах участвовало всего 67% избирателей, а в некоторых восточных районах — лишь 18%³¹. Слабая активность избирателей отразила состояние опасной апатии части рабочего класса, не нашедшей правильного политического выхода из разочарований, которые принесли первые годы существования независимой Польши. Абсентизм избирателей свидетельствовал также о пассивном протесте довольно широких кругов населения «кресов» против господства польских захватчиков. Наибольшего успеха на выборах добился блок «Христианско-национального единства». Он получил почти 40% мест в сейме и сенате. Ему противостояли левые партии — радикальная крестьянская партия «Вызволене», ППС и другие, а также Блок национальных меньшинств, объединявший ряд украинских, белорусских, еврейских, немецких и русских организаций. Они провели в сейм 89 депутатов и составляли там вторую по численности после Хьены группу. Этот блок был неоднороден. В дальнейшем часть входивших в него депутатов стала поддерживать правых, а некоторые, наоборот, стали тесно сотрудничать с двумя депутатами-коммунистами, избранными по списку Союза пролетариата города и деревни. В первое время Блок национальных меньшинств довольно единодушно занимал (подобно левым партиям) позиции, враждебные великодержавному шовинизму Хьены. Правым партиям противостоял весьма пестрый круг партий, располагавший примерно 1/3 мест в сейме и сенате. Но так как правые не обладали абсолютным большинством голосов, то решающее значение приобретала позиция партий центра, особенно крупнейшей из них — партии Пяст, представлявшей интересы главным образом зажиточных кругов крестьянства. От позиции центра зависело, будет ли в сейме и сенате правоецентристское или левоецентристское большинство. Добиваясь поддержки центра, правые обеспечили избрание маршалом (председателем) сейма М. Ратая — одного из лидеров Пяста, а в сенате пяс-товцы отдали свои голоса эндеку В. Тромпчиньскому.

После первых же заседаний сейма и сената газета «Robotnik» писала о том, что польские фашисты из Хьены стремятся к захвату власти. «Пример Италии показывает, что нет таких завоеваний, которые нельзя было бы отнять, — жаловался орган партии, в течение ряда лет сдававший реакции одну позицию за другой. — Ныне «муссолинизм» висит в воздухе»³².

II

С созывом сейма и сената кончились полномочия временного главы государства — «коменданта», «начальника государства» Юзефа Пилсудского. Подобным же званием в свое время был наделен Тадеуш Костюшко. В сущности, использование Пилсудским звания великого патриота представляло собой довольно примитивную политическую спекуляцию. За четыре года пребывания Пилсудского во главе государства надежды и

²⁹ «Kultura Robotnicza», 11.XI.1922, s. 20—21.

³⁰ «Robotnik», 21, 22, 23.XI.1922.

³¹ A. P r ó b c h n i k. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1967, s. 132—133.

³² «Robotnik», 1.XII.1922.

упования, которые возлагались на него, существенно рассеялись. Сторонники Пилсудского доказывали, что маршал не смог оправдать связанные с ним надежды, так как во всей своей деятельности непрестанно наталкивался на противодействие крайне правых партий.

Действительно, правые вели против Пилсудского весьма упорную борьбу. Они решили не допустить его избрания президентом. Помог им сам Пилсудский, не без колебаний заявивший 4 декабря 1922 г., что он отказывается от предложенного ему левыми партиями выдвижения его кандидатуры в президенты³³. Что же побудило этого честлюбивого человека отказаться от попытки стать конституционным главой Польши?

Ответить на такой вопрос нелегко. Несомненно, решение Пилсудского явилось результатом тщательного взвешивания соотношения сил в стране и перспектив ее развития, ожидавших ее трудностей, сложности положения в сейме и сенате. На решение Пилсудского повлияла и острота его отношений с эндецией.

Борьба правых против Пилсудского началась еще на стыке XIX и XX вв., когда с именем Пилсудского стало ассоциироваться представление об одном из направлений польского социалистического движения.

Родившийся в среднеплебейской семье на Виленщине в 1867 г., т. е. через три года после подавления польского освободительного восстания 1863—1864 гг., Пилсудский воспитывался в атмосфере национализма и ненависти не только к царизму, но и к России и ко всему русскому. «Все мои мечтания,— писал он позднее о своих детских годах,— концентрировались вокруг восстания и вооруженной борьбы с москалями»³⁴. Подогревавшая воображение подростка и юноши романтика А. Мицкевича и Ю. Словацкого не давала ответ на мучивший его вопрос о том, почему же восстание не удалось, почему Польша не вернула себе независимости. Ничего не извлек он и из сочинений русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, которых, по его признанию, «не выносил»³⁵, ни из трудов К. Маркса, хотя и пытался их читать. На него не повлияло то обстоятельство, что его старший брат Бронислав пошел по единственно верному пути союза с русскими революционерами. Бронислав оказывал содействие революционной организации П. Шевырева — А. Ульянова и был одним из главных обвиняемых по делу о попытке покушения на царя 1 марта 1887 г. Суд приговорил Бронислава к 15 годам каторги. Привлеченный в качестве свидетеля по этому же делу Ю. Пилсудский³⁶ был затем по распоряжению министра юстиции сослан на пять лет в Восточную Сибирь. Здесь, пишет Пилсудский, он «окончательно вылезился от остатков тогдашнего русского влияния» и «перестал придавать значение силе российской революции»³⁷, т. е. бесповоротно стал на буржуазно-националистический путь.

Свою политическую цель Пилсудский видел в освобождении из-под власти царизма Королевства Польского и проведении там некоторых политических реформ. Чтобы достигнуть поставленной цели, Пилсудский считал необходимым — и это, видимо, был главный вывод, который он извлек из раздумий о восстании 1863 г. — заручиться поддержкой значительных масс населения. Пилсудский, как пишет один из его биографов, «становится социалистом, чтобы завоевать поддержку пролетариата»³⁸. В действительности же Пилсудский никогда не был социалистом — он стремился не к социализму, не к социальному освобождению пролетариата, а к тому, чтобы использовать растущие социалистические стремления пролетариата в своих политических целях.

В том же направлении, что и Пилсудский, действовала сложившаяся незадолго до его возвращения из ссылки ППС. В ней руководящую роль играли интеллигенты мелкобуржуазного и мелкошляхетского происхождения, видевшие в социалистическом учении средство привлечения пролетарских масс к осуществлению своей главной

³³ «Robotnik», 5.XII.1922.

³⁴ J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. II. Warszawa, 1937, s. 46.

³⁵ Ibid., s. 50.

³⁶ «1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др.» М.—Л., 1927, стр. 168—171.

³⁷ W. Pobóg-Malinowski. Józef Piłsudski. 1867—1901. Warszawa, 1935, s. 105.

³⁸ P. Bartel. Le maréchal Piłsudski. Paris, 1935, p. 12.

цели — восстановления независимой Польши. При этом речь шла о Польше не в ее этнических границах, а в границах, с одной стороны, оставляющих вне пределов будущей независимой Польши польские земли, находившиеся под австрийским и германским господством, а с другой, — обязательно включавших в состав Польши земли на востоке. Чтобы облегчить себе осуществление этой программы, в которой задача частичного освобождения страны сочеталась с аннексионистской программой, лидеры ППС стремились заручиться поддержкой сепаратистских, мелкобуржуазных элементов украинского, литовского, белорусского, финского, армянского антицаристского движения. Пилсудский, выражая официальную позицию ППС, клеветнически писал в 1893 г., что будто бы все русское общество поддерживает царскую политику русификации польских земель и в рядах русских революционеров поляки будто бы не имеют искренних друзей³⁹. В кругу деятелей ППС Пилсудский быстро выделился благодаря энергии и властности.

В ППС между тем происходили важные процессы. По мере того, как выявлялось, что центр мирового революционного движения перемещается в Россию и что там назревает мощная революция, курс Пилсудского и его друзей на противопоставление польского рабочего движения русскому рабочему движению, против чего постоянно боролась партия польских марксистов — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, стал встречать растущее противодействие и в самой ППС. Большое влияние на взгляды ее левого крыла оказала ленинская «Искра», работы В. И. Ленина, особенно его статья «Национальный вопрос в нашей программе», специально посвященная разоблачению антипролетарский идеологии пилсудчиков⁴⁰.

Тем временем надвигалась русско-японская война. Пилсудский и его единомышленники решили, что за предоставление Японии информации о русской армии, передвижении ее частей, за проведение диверсий в ее тылах, в частности взрывов мостов в Сибири, японское правительство окажет финансовую помощь ППС, поможет ей приобрести оружие и поднять восстание в Королевстве Польском⁴¹. Завязав сношения с японскими дипломатическими представителями в Вене и Лондоне, руководители ППС направили в Токио Пилсудского в сопровождении Т. Филиповича.

Но, опередив деятелей ППС, в столицу Японии прибыл один из лидеров все больше ориентировавшейся на царизм Национал-демократической партии — Р. Дмовский. Ему удалось доказать японским властям беспочвенность замыслов пилсудчиков и сорвать затевавшуюся авантюру.

Превращаясь в главную партию польской буржуазии, национал-демократы стремились надвигавшейся в России революции. Эндения злобно осуждала ППС за то, что та относилась к себе — пусть лишь на словах — к приверженцам социализма и даже входила во II Интернационал. Эндения боролась против повстанческой пропаганды пилсудчиков, опасаясь того, что вооруженная борьба против царизма, находившегося в состоянии глубокого кризиса, может перерасти в совместную с российским пролетариатом борьбу польских трудящихся, в социальную революцию. Для эндении врагом был не царизм, а революционный пролетариат Польши и России; она не искала независимости для Польши и охотно обещала царизму свое сотрудничество в обмен за предоставление польским землям некоторой внутренней автономии, отвечавшей сравнительно скромным запросам польской буржуазии.

Вернувшийся из Японии в Краков Пилсудский оставался верен своим замыслам: правые лидеры ППС перешли к «тактике действий», выразившейся в провоцировании в Королевстве Польском столкновений с царской полицией и войсками, к организации актов индивидуального террора и экспроприаций. Немало представителей горевшей революционным нетерпением учащейся и рабочей молодежи дало себя вовлечь в боевые группы пилсудчиков. Но не эта борьба, в подавлении которой царскому правительству усердно помогали эндеки, определила исход развернувшейся в 1905 г. революции.

³⁹ J. Piłsudski. Pisma zbiorowe, t. I. Warszawa, 1937, s. 34; «Przedświt», 1893, № 8, s. 1—2.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 233—242.

⁴¹ W. Póboż-Malinowski. Józef Piłsudski. 1901—1908. Warszawa, 1935, s. 182—186.

В самой ППС стало бурно нарастать сопротивление авантюристическим действиям пилсудчиков. Составившие оппозицию им «молодые» протестовали против стремления пилсудчиков изолировать польское рабочее движение от общероссийской революции⁴². Тянувшиеся к революционному союзу с рабочим классом всей России, к сотрудничеству с РСДРП и СДКПиЛ, к восприятию основ марксизма, «молодые» добились на IX съезде ППС в ноябре 1906 г. решения об исключении из партии участников пилсудчиковской «Боевой организации». Присвоив себе наименование ППС — «революционной фракции»⁴³, исключенные продолжали террористическую и экспроприаторскую деятельность, завершающим актом которой было нападение у станции Безданы на почтовый поезд, следовавший из Вильно в Петербург. Экспроприаторы, которыми руководил сам Пилсудский, захватили тогда свыше 200 тыс. рублей⁴⁴.

После этого Пилсудский почти всецело занялся подготовкой добровольческих вооруженных сил на принадлежавшей Австро-Венгрии территории Галиции для использования этих сил против России в связи с нараставшей угрозой европейской войны⁴⁵. Прикрывалась эта политика утверждением, что освобождения Польши якобы нельзя ждать от русской революции — его может принести только победа внешних врагов царизма⁴⁶. Так пилсудчики, потеряв всякую революционную перспективу, не видя превращения России в главный центр мирового революционного движения, становились прямыми агентами старшего партнера Австро-Венгрии — кайзеровской Германии. Трагедия многих из тех, кто шел за Пилсудским, состояла в том, что они поддались годами создававшейся и культивировавшейся преимущественно в мелкобуржуазной, буржуазно-интеллигентной среде легенде о Пилсудском как о неустанном борце против царизма⁴⁷. «Используя различные формы — репортаж, роман, картины, иллюстрации, песни и даже оперетты, — большой отряд литераторов, публицистов, художников, в числе которых были и весьма талантливые, старательно убеждал польское общество, что единственными патриотами, единственными борцами за независимость являются последователи Пилсудского, что единственный путь к национальному освобождению — это их путь»⁴⁸.

Правда, когда началась первая мировая война, на призыв Пилсудского о вступлении в сформированную им Первую бригаду польского легиона, действовавшую в составе австро-венгерской армии, откликнулась лишь горстка молодежи. Немногие вступили и в созданную пилсудчиками после начала войны тайную Польскую военную организацию (ПОВ), призванную собирать разведывательные данные о русской армии и совершать диверсии в ее тылу. Сформированные им вооруженные силы Пилсудский бросил в бой против русской армии за несколько часов до того, как Австро-Венгрия объявила войну России. Перед вторжением в ее пределы пилсудчики опубликовали воззвание от вымышленного Временного правительства, якобы возникшего в Варшаве.

Вытеснив летом 1915 г. царские войска из Королевства Польского, германские и австро-венгерские оккупационные власти в целях мобилизации польского населения объявили 5 ноября 1916 г. о выделении бывших польских владений царизма в особое административное образование. Пилсудский тогда же поздравил своего соратника, командующего ПОВ полковника Э. Рыдза-Смьглого, «с триумфом нашей идеи»!

Когда же спустя несколько месяцев свержение самодержавия в России, усиление революционного движения в оккупированной Польше, вступление США в войну на стороне Антанты, обострение политического и экономического кризиса в Австро-Венгрии и Германии сделали более чем вероятным предстоящее поражение именно

⁴² A. Żarnowska. *Geneza rozłamu w Polskiej partii socjalistycznej*. Warszawa, 1965.

⁴³ T. Ładyska. *Polska Partia Socjalistyczna (Fracja Rewolucyjna) w latach 1906—1914*. Warszawa, 1972.

⁴⁴ W. Pobóg-Malinowski. *Akcje bojowa pod Bezdunami 26.IX.1908*. Warszawa, 1933.

⁴⁵ A. Galiński. *Geneza Legionów*. Warszawa, 1964.

⁴⁶ J. Piłsudski. *Pisma — Mowy — Rozkazy*, t. II. Warszawa, 1930, s. 338—362.

⁴⁷ M. Żychowski. *Bolesław Limanowski. 1835—1935*. Warszawa, 1971, s. 301—302.

⁴⁸ Г. Яблоньский. *Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов*. М., 1963, стр. 127.

центральных держав, Пилсудский с удивительной расчетливостью и беспринципно-стью вступил в конфликт со своими австро-германскими покровителями и даже угодил в германскую тюрьму в Магдебурге. Это дало возможность изобразить его национальным героем и мучеником, пострадавшим за народное дело.

Не потерял он доверия и своих недавних покровителей. Когда в ноябре 1918 г. в Германии произошла революция и стал неизбежен крах немецкой оккупации бывшего Королевства Польского, германское командование специальным поездом доставило Пилсудского из Магдебурга в Варшаву. Здесь марionеточные польские органы, созданные немецко-австрийскими оккупантами, и германское оккупационное командование вручили всю полноту власти Пилсудскому. Они были уверены, что Пилсудский наиболее успешно сможет затормозить подъем польского революционно-освободительного движения и превратить Польшу из моста, соединяющего Советскую Россию с революционными силами в Германии, в барьер, ограждающий буржуазную Европу от Страны Советов.

Путем политических маневров и жестоких репрессий, некоторых уступок правым социалистам и сделок со своими противниками из возглавляемого эндецией проантантовского лагеря Пилсудский, приняв в ноябре 1918 г. верховную власть в стране и звание «начальника государства», не только сыграл большую роль в упрочении буржуазно-помещичьего строя в Польше, но и попытался осуществить свои давнишние националистические «федералистские» планы. Однако «поход на Киев», как известно, кончился полным провалом.

С окончанием периода становления польского буржуазно-помещичьего государства обострились противоречия между пилсудчиками, которых называли сторонниками Бельведера (дворец, в котором находилась резиденция «начальника государства»), и правыми партиями. Бельведерский лагерь был весьма пестрым по составу, к нему примыкали ППС, «Вызволене», классовые профсоюзы, многие общественно-политические и культурные организации, с ним связывала свои надежды и та часть населения, которая, не став еще на революционный путь, была глубоко враждебна оголтелому великодержавному национализму и клерикализму эндеции. Ядро Бельведерского лагеря составляли легионеры из бывшей Первой бригады, деятели ПОВ, часть офицерской молодежи, воспитанной в преклонении перед маршалом (это звание было присвоено Пилсудскому в ознаменование его «побед»). Пилсудчики не составляли какой-то единой организации, не имели единой политической программы, они скорее всего представляли собой своеобразную мафию, охватывающую своим влиянием широкую сеть общественных, военизированных, культурно-просветительных и других организаций и имевшую свою экспозицию даже в тех буржуазных организациях, которые выступали против пилсудчины. Среди последних решающее место продолжала занимать эндеция.

Если в пору становления буржуазно-помещичьей Польши эндеция и другие правые партии в силу необходимости в той или иной мере сотрудничали с пилсудчиками, то после окончания польско-советской войны они взяли курс на повсеместное вытеснение пилсудчиков из государственного аппарата и из армии. Демагогия пилсудчиков и поддержка Пилсудского со стороны ППС и «Вызволене» тревожили эндеков и другие крайне правые партии. Они продолжали считать Пилсудского просоциалистом, опасались его внешнеполитического авантюризма, который летом 1920 г. поставил под вопрос самое существование буржуазно-помещичьей Польши. Более реалистично оценивая ее возможности, крайне правые были против неизменного антисоветизма пилсудчиков, считая, что интересам Польши соответствует известная нормализация политических и экономических отношений с Советским государством. Ориентируясь в отличие от пилсудчиков на западные державы, в первую очередь на Францию, они осуждали их за уступчивость Германии в территориальном и других вопросах. Если пилсудчики афишировали свой мнимый демократизм и внимание к трудящимся, а равно и к непольскому населению страны, то правые все решительнее пропагандировали национализм, шовинизм, корпоративизм⁴⁹.

Борьба между лагерем пилсудчиков и правыми достигла особой остроты в связи с созывом сейма и сената. У Пилсудского были реальные шансы добиться избрания

⁴⁹ A. M i c e w s k i. Z geografii politycznej II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1966.

первым конституционным президентом страны: помимо партий, противостоявших блоку правых, за него проголосовала бы и часть депутатов и сенаторов, принадлежавших к центру. Снимая свою кандидатуру на пост президента, Пилсудский действовал не как деятель, опасавшийся неудачи, а, наоборот, как расчетливый политик, уверенный в возможности избрания президентом, но понимавший, что страна находится накануне острейших социальных конфликтов и что тяжесть борьбы с ними лучше возложить на своих политических соперников. Весьма ограниченный арсенал средств, свойственный их политическим воззрениям, не оставлял больших сомнений в том, что эндекам не удастся вывести Польшу из нарастающего политического и экономического кризиса. Поэтому Пилсудский предпочитал дожидаться неудачи эндеков и лишь тогда выступить и в роли спасителя существующего строя, и в роли полновластного диктатора.

Отказ Пилсудского от выдвижения его кандидатуры в президенты укреплял надежды эндеции, что именно ее ставленник займет кресло президента. Лидер Пяста В. Витос, возглавивший правительство «национального единства» в июле 1920 г., в самый критический момент польско-советской войны, пытался убедить свою фракцию проголосовать за кандидата правых на пост президента⁵⁰.

На совместном заседании сейма (444 депутата) и сената (111 сенаторов), состоявшемся 9 декабря 1922 г., правые выдвинули своим кандидатом в президенты одного из крупнейших земельных магнатов — графа М. Замойского, посла Польши в Париже. Его имя было столь одиозным, что даже обычно следовавшие за своим лидером пяс-товцы не согласились отдать голоса завязтому реакционеру. Они настояли на выдвижении кандидата в президенты от своей партии. Им стал С. Войцеховский, в прошлом один из создателей ППС, перешедший с течением времени, как и большинство ее организаторов, на сторону более правых партий.

При первом туре голосования за Замойского было подано 222 голоса, за Войцеховского — 105, остальные голоса разбились между другими кандидатами. Значительно опередив своего главного конкурента, Замойский, однако, не собрал требуемого по закону абсолютного большинства голосов. Во время второго тура выборов он получил 228 голосов, т. е. опять меньше половины. За Войцеховского проголосовало уже 152 депутата и сенатора. Ему (ввиду бесперспективности своего кандидата И. Дашиньского) отдали голоса и члены ППС. Но на этот раз серьезно упрочились позиции кандидата от «Вызволене» — беспартийного деятеля Г. Нарutowича (помимо «вызволенцев» за него проголосовали представители национальных меньшинств, и он собрал 151 голос). В третьем туре голосования Нарutowич, получив 158 голосов, выдвинулся на второе место, опередив Войцеховского. Четвертый тур голосования не внес существенных изменений. Согласно регламенту, в пятом туре голосования в избирательных бюллетенях остались фамилии только двух претендентов, набравших наибольшее количество голосов — Замойского и Нарutowича. Последний не был профессиональным политиком. Выходец из среднепоместной семьи, учившийся одно время в Петербурге, он еще юношей переехал в Швейцарию. Инженер-гидроэнергетик по специальности, Нарutowич со временем стал профессором Цюрихского университета и многие годы возглавлял крупную фирму, выполнявшую ряд сложных гидротехнических проектов в разных странах Европы. Состоятельный человек, тесно связанный с деловыми кругами многих западных стран, он неожиданно для себя, находясь в Испании, узнал о состоявшемся в июне 1920 г. назначении министром общественных работ Польши. После некоторых колебаний Нарutowич принял этот новый пост и вернулся на родину, где не был 40 лет. В Польше он быстро обрел репутацию энергичного руководителя. Его усилия были направлены на строительство дорог, восстановление мостов, организацию общественных работ; он вынашивал планы крупных мелиоративных и энергетических сооружений. Своими знаниями, деловитостью Нарutowич весьма выгодно отличался от других часто сменявшихся министров. В июле 1922 г. он был назначен на пост министра иностранных дел, который до того времени являлся как бы доменом эндеции. Уже одно это обстоятельство сделало беспартийного Нарutowича совершенно нетерпимым для правых.

⁵⁰ M. R u s z z y c. Pierwszy prezydent Gabriel Narutowicz. Warszawa, 1967, s. 232.

Теперь, перед пятым туром голосования, Нарutowич оказался единственным претендентом, противостоявшим Замо́йскому. Правые решили любыми средствами помешать своему противнику. Прежде всего они потребовали, чтобы депутаты и сенаторы, входившие в Блок национальных меньшинств, самоустранились от участия в голосовании, предоставив «самим полякам» решение вопроса о главе польского государства. Депутаты и сенаторы, избранные по спискам национальных меньшинств, естественно, не поддались этим наглым требованиям. Эндеки попытались силой вытеснить их из зала заседания, но получили отпор⁵¹. Во время пятого тура голосования Нарutowич, собрав на 62 голоса больше, чем Замо́йский, получил абсолютное большинство и стал первым избранным главой государства.

Тотчас же у здания сейма, где заседало Национальное собрание, начались демонстрации реакционного студенчества и примыкавших к эндекам милитаризированных групп и организаций. Используя то обстоятельство, что необходимый перевес голосов Нарutowичу обеспечили депутаты и сенаторы, избранные по спискам национальных меньшинств, эндеция начала шумную кампанию с целью создать погромную, антидемократическую атмосферу. Вопли о «национальном позоре» сочетались с призывами бороться «за национальный характер польского государства», против президента, навязанного стране «продажными демократами», а также национальными меньшинствами... «Польша для поляков!», «Да здравствует польский фашизм!», «Да здравствует Муссолини!» — таковы были лозунги ораторов Хьены на митингах и в печати. Фашиствующие молодчики провели приветственные демонстрации у посольства фашистской Италии.

С утра 11 декабря 1922 г. несколько тысяч фашистов заняли улицы, ведущие к зданию сейма, где Нарutowич должен был принести присягу перед Национальным собранием. Автомобиль итальянского посла, ехавшего на церемонию присяги, сторонники эндеции приветствовали возгласами в честь фашизма и Муссолини⁵². По иному был встречен Нарutowич, ехавший в сейм в открытом экипаже: его подвергли словесным оскорблениям, забросали камнями и снегом.

Премьер-министр Ю. Новак, консерватор, близкий к эндеции, согласно церемониалу, должен был ехать вместе с президентом на заседание Национального собрания. Но перед началом церемонии Новак по телефону уведомил о том, что не будет сопровождать Нарutowича. Ничего не предпринял для защиты президента и бывший «начальник государства», хотя позднее Пилсудский признал, что ликвидировать беспорядки «было очень легко»⁵³. Бездействовала и полиция.

Но в движение пришли варшавские рабочие. После того как стало известно, что фашиствующие молодчики захватили на улице «Нестора польского социализма», престарелого сенатора Б. Лима́новского, лидера ППС депутата И. Дашиньского и других, тысячи рабочих, оставив заводы и фабрики, двинулись к центру Варшавы. Фашисты открыли стрельбу, убили одного из рабочих, нескольких ранили. Однако к решительному столкновению с рабочим классом фашистские элементы оказались неподготовленными. Рабочим быстро удалось очистить центр города от буйствовавших почитателей Муссолини. Первая попытка варшавского варианта «похода на Рим» провалилась: скороспелый польский фашизм не смог одолеть силы, поднявшейся на защиту демократии.

По мере того как рабочие разгоняли фашистов, стихала драка, затеянная крайне правыми в Национальном собрании. Нарutowич смог принести присягу и 11 декабря 1922 г. стал в соответствии с конституцией президентом Польши. Президентом лишь на 5 дней...

12 декабря рабочие многих предприятий Варшавы провели однодневную антифашистскую забастовку. Коммунистический Союз пролетариата города и деревни

⁵¹ A. A j n e n k i e l. *Od rządów ludowych do przewrotu majowego*. Warszawa, 1968, s. 232.

⁵² D. P a c y Ń s k a. *Śmierć prezydenta*. Warszawa, 1965, s. 67.

⁵³ J. P i ł s u d s k i. *Pisma zbiorowe*, t. VI. Warszawa, 1937, s. 56.

в особом обращении призвал рабочих к сплочению сил в борьбе против фашизма⁵⁴. На следующий день, 13 декабря, на предприятиях Варшавы была распространена листовка КПП, в которой отмечалось, что состоявшаяся накануне забастовка явилась могучим выражением готовности рабочих дать отпор фашизму. В листовке подчеркивалось, что было бы ошибочным считать дело обороны от фашизма истощенным и что фашизму пролетариат должен противопоставить свой единый фронт. Но этот призыв не нашел отклика у ППС. Свои выступления против фашизма ее ораторы и печать продолжали изображать как борьбу против опасности «правого большевизма»⁵⁵. Выйдя 14 декабря 1922 г. в отставку, правительство Новака тем самым в какой-то мере парализовало все органы власти. Правая печать продолжала яростно нападать на президента и возобновила антиконституционную кампанию.

В атмосфере травли со стороны правых, в обстановке многочисленных уличных столкновений, погромно-националистических и антидемократических выступлений, раздававшихся и с церковных амвонов, 16 декабря 1922 г., через 5 дней после занятия поста президента, Нарutowич, избранный, согласно конституции, главой государства на 7-летний срок, был убит 53-летним художником и журналистом Э. Невядомским во время посещения художественной выставки.

«Выстрел в Нарutowича,— писала в передовой статье «Правда»,— это выстрел в «демократию», которая более не нужна буржуазии, которая добивается собственной неприкрытой диктатуры». Польша, продолжала газета, повторяет Италию...⁵⁶ В следующем номере «Правды» была опубликована статья В. Костшевой, в которой указывалось, что события в Польше — результат соглашательской политики ППС. Фашистское наступление, констатировала Костшева, положило конец тайной коалиции, соединявшей все польские партии, за исключением коммунистов. «Пропасть между буржуазией левой и буржуазией правой углублена»⁵⁷.

Рабочие, трудовое крестьянство, интеллигенция были потрясены кровавым преступлением, вдохновленным Хьеной. Часть офицеров и тесно связанное с Пилсудским руководство варшавской организации ППС — так называемая варшавская клика — намеревались использовать гнев рабочих, чтобы физически расправиться с вдохновителями убийства Нарutowича и призвать Пилсудского к восстановлению «покоя и порядка». Но не в интересах Пилсудского и связанных с ним кругов буржуазии было дальнейшее обострение стихийно сложившейся грозной обстановки: трудно было определить рамки, в которых удастся удержать движение рабочих масс, если оно получит революционный толчок. Реализация планов захвата власти, развивавшихся частью пилсудчиков, была отсрочена⁵⁸.

В соответствии с конституцией временным главой государства стал маршал (председатель) сейма Ратай. С согласия бывшего «начальника государства» и лидеров левых партий и партий центра⁵⁹, он поручил формирование внепарламентского правительства генералу В. Сикорскому. Один из руководящих деятелей милитаристского движения периода, предшествовавшего началу первой мировой войны, Сикорский до назначения премьер-министром активной роли в политической жизни Польши не играл. Оставив за собой портфель министра внутренних дел, он сформировал правительство, в котором были и лица, пользовавшиеся доверием крайне правых, и ряд деятелей, близких к либеральным кругам буржуазии, и доверенные лица Пилсудского. Сам Пилсудский, еще весной 1922 г. через полковника Б. Медзиньского вступивший в тайный сговор с Сикорским⁶⁰, получил назначение на пост начальника генерального штаба. Тогда же из армии и государственного аппарата было уволено несколько генералов и высших чиновников, наиболее скомпрометированных своей связью с фашистскими выступлениями. Введенное в Варшаве чрезвычайное положение было использовано главным образом против коммунистов и других антифашистов,

⁵⁴ «Biuletyn Komitetu Centralnego Związku Proletariatu Mias! i Wsi». Warszawa, 1923, s. 3.

⁵⁵ «Robotnik», 14.XII.1922.

⁵⁶ «Правда», 18.XII.1922.

⁵⁷ «Правда», 19.XII.1922.

⁵⁸ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia polityczna Polski, t. II, cz. 1. Londyn, 1956, s. 421—422.

⁵⁹ St. A r s k i. My pierwsza brygada. Warszawa, 1963, s. 359.

⁶⁰ W. P o b ó g - M a l i n o w s k i. Najnowsza historia..., s. 423.

проявивших активность во время декабрьских событий. Новой волной нападков на коммунистов лидеры ППС помогли укреплению буржуазного «порядка».

20 декабря 1922 г. голосами центра, левых и представителей национальных меньшинств Национальное собрание в первом же туре голосования избрало президентом Польши Войцеховского — кандидата, выдвинутого партией Пяст.

IV

30 декабря состоялся суд над Невядомским — событие, как бы завершавшее бурный последний месяц 1922 г. Процесс убийцы президента Нарutowича заслуживает внимания, так как он позволяет отчетливо уяснить то своеобразное заблуждение общественного мнения, в котором таился один из важных источников влияния Пилсудского и пилсудчиков.

В редакционной статье, посвященной итогам процесса Невядомского, уже упоминавшийся двухнедельник «Kultura Robotnicza» писал о том, что Невядомский сам по себе личность, ничем не выделяющаяся из среды, которая его породила и которая является подлинным виновником физической расправы с Нарutowичем. Из показаний убийцы журнал обращал особое внимание на его заявление, что убил он президента потому, что «видел в нем представителя Пилсудского, а Пилсудского считает социалистом». Социализм же, истерически изрекал Невядомский со скамьи подсудимых, — это гибель Польши. Пилсудский, твердил Невядомский, ответствен за то, что решение самых жизненных для государства проблем оказалось «в руках батраков и пастухов», наделенных избирательным правом. Невядомский заявил, что он предполагал убить главного виновника всех бед, одолевающих Польшу, — Пилсудского. В Нарutowича же он стрелял как в своего рода символ бывшего «начальника государства»⁶¹.

То, что крайне правые, фашистские элементы продолжали видеть в Пилсудском социалиста, которым он в действительности никогда и не был, в сущности способствовало усилению легенды о том, что Пилсудский за «батраков» и «пастухов». Глубокая ненависть крайне правых к столь сложному явлению, как пилсудщина, оборачивалась вопреки их расчетам возрождением в стране надежд, которые и ранее связывались с именем бывшего руководителя ППС, бывшего организатора легионов, бывшего союзника германских оккупантов, их же узника и их же ставленника на посту главы страны.

Убийца Нарutowича на суде держал целую программную речь, в которой открыто восхвалял фашизм, поносил демократию, сейм, диктатуру пролетариата, Пилсудского⁶². Хотя суд не препятствовал излияниям Невядомского, судебное разбирательство было завершено в течение одного дня — суд торопливо приговорил убийцу к смертной казни. Новый президент, естественно, отклонил ходатайство о помиловании.

Убедившись, что суд и другие власти не пытаются пойти дальше констатации бесспорного факта, что преступление совершено Невядомским, эндецкая печать начала выступать со статьями в защиту убийцы, изображая его мучеником, принесшим себя в жертву высшим интересам нации. После приведения приговора в исполнение во всех костелах состоялись упокойные службы по убийце первого президента Польши. Могила убийцы, писал в связи с 50-летием преступления еженедельник «Polityka», стала местом постоянного паломничества всех почитателей итальянского фашизма, а затем и гитлеровского режима⁶³; создавшийся культ фанатичного убийцы был ярким проявлением реакционности лагеря, выдававшего себя за «защитника находившегося под угрозой со стороны коммунизма самых высших идейно-моральных ценностей польского народа»⁶⁴.

⁶¹ «Kultura Robotnicza», 13.I.1923.

⁶² D. Pacyńska. Op. cit., s. 115—116.

⁶³ M. Koźniewski, M. Turski. Śmierć prezydenta.—«Polityka», 16. XII. 1972.

⁶⁴ J. Terej. Idee, mity, realia. Szkice do dziejów Narodowej Demokracji. Warszawa, 1971, s. 103.

Позиция этого лагеря, открыто воспринявшего идеи фашизма и его террористические методы, благоприятствовала тому, что на всех его противников, среди которых наибольшим влиянием пользовался Бельведерский лагерь, в той или иной мере распространялись симпатии антифашистских кругов. Не желая того, Невядомский и его вдохновители — эндеки, своим открытым восхвалением идей фашизма и его террористических методов, своими действиями помогали расширению влияния лагеря пилсудчиков.

V

Поражение, понесенное польским фашизмом в декабре 1922 г., было обусловлено рядом обстоятельств. Среди них особое значение имело то, что польский фашизм в ту пору выступил лишь с националистическими лозунгами, обходя тревожившие массы социальные проблемы и тем самым недвусмысленно давал понять и рабочим и крестьянам, не говоря уже об угнетенных национальных меньшинствах, что целью фашизма является лишь закрепление существующего социального неравенства, строя нищеты, эксплуатации, национального гнета. Фашизм в Польше еще не успел сделать орудием своей политики социальную демагогию. Поэтому первая попытка фашистского переворота в Польше не могла встретить поддержки сколько-нибудь широких социальных кругов и, более того, натолкнулась на решительный отпор практически всего рабочего класса.

Еще 19 декабря 1922 г., когда лишь несколько стала спадать острота политического кризиса в Польше, Исполком Коминтерна обратился с письмом к КРПП. Оно было вызвано в первую очередь необходимостью решить внутрипартийные вопросы, но главная его мысль состояла в том, что в Польше, «где наступление капитала и реакции бушует с огромной силой», важнейшим оружием в борьбе за наиболее жизненные интересы рабочего класса является единый фронт всех рабочих⁶⁵. Это письмо было тесно связано с состоявшимся в ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна обсуждением вопросов борьбы с фашистской опасностью. В принятых конгрессом тезисах о тактике указывалось: буржуазия уже не ограничивается «законными» методами подавления трудящихся, она прибегает к фашизму, который обращен «одновременно против основ буржуазной демократии вообще»; фашизм пытается путем социальной демагогии создать себе почву в массах; опасность фашизма имеется во многих странах, в том числе и в Польше⁶⁶.

Вопросы борьбы против фашизма занимали все большее место в деятельности Коминтерна и его секций. При этом Коминтерн неизменно подчеркивал, что фашизм направлен не против какого-либо из политических течений в рабочем классе, а против всего рабочего класса, так как имеет целью «достигнуть стабильности капитализма лишь путем интенсивной эксплуатации и абсолютного политического порабощения всех рабочих»⁶⁷.

Происходивший 12—23 июня 1923 г., непосредственно после военно-фашистского переворота в Болгарии, III расширенный Пленум ИККИ был в основном посвящен рассмотрению вопросов, связанных с борьбой против фашизма. Докладчик по этому вопросу Клара Цеткин выступила против упрощенных представлений о фашизме лишь как о террористической диктатуре, отметив, что в отличие от других форм реакционной буржуазной диктатуры фашизм ищет опору среди значительной части населения — мелкой буржуазии, различных деклассированных элементов и даже остальных слоев пролетариата — и использует эту опору для кровавого подавления не только революционного авангарда трудящихся, но и буржуазной демократии вообще. Притягательная сила фашизма состоит в том, говорила Цеткин, что, разочаровавшись в реформистском социализме, массы дали увлечь себя фашистской демагогией о творческой силе сплочения всех классов нации и создании социального государства, якобы способного преодолеть классовые противоречия и подняться над партийными разногла-

⁶⁵ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. Warszawa, 1953, s. 180.

⁶⁶ См. «Постановления IV Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала». Пг., 1923, стр. 41.

⁶⁷ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, № 19, S. 150.

сиями. Особое внимание Цеткин обратила на то, что в зависимости от «конкретных условий той или другой страны фашизм носит различные черты. Но две из них присущи ему всюду: это, во-первых, мнимо революционная программа, чрезвычайно искусно приспособляемая к настроениям, интересам и требованиям широчайших общественных масс, и, во-вторых, применение самого грубого жестокого террора»⁶⁸.

Таким образом, с самого начала изучения фашизма как политического феномена марксистская мысль отмечала сложность социального состава сил, увлекаемых фашизмом, и возможное многообразие форм проявления фашистской диктатуры. Эти особенности фашизма стали предметом рассмотрения первых же, посвященных ему, печатных теоретических работ.

В августе 1923 г. Димитров в статье, опубликованной в «Рабочем вестнике», писал, что фашизм «является полным отрицанием всякого демократизма и всех политических прав и свобод для народных масс. Фашизм не только антикоммунистичен, он в то же время антинационален»⁶⁹. В предисловии к сборнику «Мировой фашизм», подготовленному вскоре после «похода на Рим», Н. Мещеряков писал, что фашизм «есть последнее средство, за которое хватается буржуазия, чтобы остановить неумолимо надвигающуюся пролетарскую революцию»⁷⁰. Определив далее фашизм как явную, ничем не прикрытую диктатуру эксплуататорского класса, которому угрожает опасность, он указывал на ошибочность надежд на то, что фашизм быстро исчерпает себя, исчезнет⁷¹. Указывая на многообразие социальных сил, которые удастся повести за собой фашизму, Костшева отмечала в том же сборнике, что фашизм представляет собой своеобразную кооперацию пролетаризирующихся слоев мелкой буржуазии и интеллигенции, отсталых пролетарских и полупролетарских элементов, разочаровавшихся в буржуазной демократии, и господствующих классов, «идущих на полную диктатуру капитала и окончательное вытравливание всех остатков гуманности, сентиментальности и либерализма во имя эгоистического классового интереса, прикрываемого фразой об интересах нации»⁷².

Переходя от общих суждений о фашизме как новой форме диктатуры капитала, Костшева отмечала, что в Польше основными глашатаями фашистской идеологии выступают эндеки. Они отбросили принципы равенства и свободы, заменяя их принципами иерархии; они добиваются ограничения свободы личности и ликвидации парламентаризма. Эндекия как политический центр располагает довольно широкой сетью различных по составу и назначению организаций, в том числе и военизированных. Такие же организации имеются и у ее противников. Это, писала Костшева, «преторианцы Пилсудского».

Давая вполне справедливую, с точки зрения далекой исторической перспективы, оценку пилсудчины, Костшева, как и многие ее современники, за сложностью политического курса Пилсудского, многообразием сочувствовавших ему организаций и течений, особенностями их тактики, не увидела в ту пору ясного и определенного классового характера пилсудчины. Вместе с тем она решительно утверждала, что «преторианцы Пилсудского» «не будут защитниками рабочего класса, борцами за равноправие национальностей»⁷³.

Некоторые вопросы организационного и идеологического развития польского фашизма были освещены в работе польского публициста Ю. Красного (Ю. Ротштадта). В этой брошюре, несмотря на ряд содержащихся в ней упрощенных оценок, обращалось внимание на реальность фашистской опасности в Польше. Автор охарактеризовал действовавшие в стране фашистские организации и призывал различать руководителей ППС от входящих в эту партию рабочих. Он ставил также тревожный вопрос: как же поведут себя в момент решительной схватки с эндекическим фашизмом деятели вроде Дашиньского или Пилсудского? ⁷⁴

⁶⁸ «Расширенный Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала», М., 1923, стр. 208.

⁶⁹ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, стр. 100.

⁷⁰ «Мировой фашизм. Сборник статей». М.—П., 1923, стр. 4.

⁷¹ См. там же, стр. 65—66.

⁷² Там же, стр. 149—150.

⁷³ Там же, стр. 167.

⁷⁴ Ю. К р а с н ы й. Польский фашизм. М., 1923.

Советский исследователь фашизма Г. Сандомирский отметил тогда же ряд характерных черт фашизма. Он «представляет собой «превентивную контрреволюцию» или, что одно и то же, попытку правящих классов предупредить социальную революцию». Указав, что Пилсудский имеет много общего с Муссолини, Сандомирский все же отделил пилсудчину от фашизма, считая, что в Польше фашизм вышел целиком из рядов «народовой демократии»⁷⁵.

Едва ли есть основания оспаривать утверждение, что для 1922—1923 гг. фашистская опасность в Польше реально проистекала прежде всего от эндеции. Но этому верному суждению сопутствовало другое, приводившее к оценке пилсудчины как силы якобы не только конкурирующей с эндецким фашизмом, но и прямо антагонистической ему. Такое противопоставление прозвучало в решениях состоявшегося осенью 1923 г. II съезда КРПП.

Этот съезд занял выдающееся место в истории героической партии рабочего класса Польши. Именно на нем завершилось восприятие партией ленинской теории социалистической революции, полный переход партии на ленинские принципы в вопросах рабоче-крестьянского союза, национальном и др. Вместе с тем в ряде оценок конкретного соотношения классовых сил в стране и роли такого важного политического фактора, каким являлась пилсудчина, съезд все еще придерживался ранее сложившихся у партии представлений, что Пилсудский и весь связанный с ним многоликий политический лагерь выражают лишь мелкобуржуазно-интеллигентские интересы. Как в отчете ЦК партии, представленном съезду, так и в принятых съездом документах, борьба между эндецией и пилсудчиной рассматривалась как борьба крупнопомещичье-капиталистических кругов с находящейся в состоянии обороны мелкобуржуазной демократией. С эндецией связано реальное наступление фашизма, опасность фашизма. Поэтому тактическая линия партии, указывалось в отчете ЦК, должна состоять не в противопоставлении рабочего класса и эндеции, и Пилсудскому — необходимо «все силы направить против эндеции, против нее повернуть фронт»⁷⁶.

Несомненной выдающейся заслугой II съезда КРПП явилось то, что он указал на опасность национальной независимости страны как со стороны германского милитаризма, так и со стороны внутренней реакции, продававшей страну иностранному капиталу и направлявшей ее по пути фашизма. Призвав к сплочению всех демократических сил, к созданию союза рабочего класса с крестьянством и угнетенными национальными меньшинствами, признав их право на самоопределение, призвав к политике тесного сотрудничества с Советской Россией, съезд наметил единственно реальную политическую линию, способную обеспечить подлинную свободу и независимость польского народа⁷⁷. Но в постановке ближайших тактических задач не были учтены все возможные изменения формировавшейся политической обстановки.

Вместе с тем следует отметить, что ориентация КРПП на борьбу с эндецией как главной политической опасностью определялась не только нависшей над страной в декабре 1922 г. угрозой фашистского переворота, но и развитием событий в последующие месяцы.

Окончание следует

⁷⁵ Г. С а н д о м и р с к и й. Фашизм. М.—П., 1928, стр. 143, 147.

⁷⁶ «II zjazd Komunistycznej Partii Robotniczej Polski. Protokoły obrad i uchwały. 19.IX — 2.X.1923». Warszawa, 1968, s. 62.

⁷⁷ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I, s. 193—207, 225—231.